

СООТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ (ОБЩЕЗНАЧИМЫХ) СМЫСЛОВ

А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 февраля 2013 г.

Аннотация: в статье вводится разграничение понятий личностного и общественного смыслов; раскрывается диалектическая взаимосвязь личностных и общественных смыслов общественных индивидов. Показано, что общественные интерсубъективные смыслы формируются в социальных обменах действиями индивидов.

Ключевые слова: личностный и общественный смыслы, социальная феноменология, социальное действие, социальный обмен, символический универсум общества.

Abstract: the paper introduces the distinction between the concepts of personal and social meanings. The author shows that social inter-subjective meanings are formed in the process of social exchange by the acts of individuals.

Key words: personal and social meaning, social phenomenology, social act, social exchange, symbolic universe of society.

Понятие личностного смысла, обычно оцениваемое как достижение отечественной психологии, на первый взгляд кажется простым и естественным. Личностный смысл – это смысл, создаваемый личностью, существующий в ее сознании.

Прежде чем перейти к анализу личностного смысла, необходимо установить, что означает термин «смысл». К сожалению, и в нашей философской, и в психологической литературе нет единства в понимании этого универсального феномена. С помощью смыслов человек как познает мир, так и творит культуру – мир артефактов (тексты, машины, сооружения, науку, искусство и т.д.). Наконец, на основе смыслов осуществляется коммуникация людей – в процессе общения люди обмениваются смыслами и поэтому понимают друг друга.

В логико-семантической и теоретико-лингвистической литературе после работ Г. Фреге, Б. Рассела, Ф. Соссюра, Л. Витгенштейна и других выдающихся ученых установилось более или менее однозначное понимание смысла. Элементарный смысл (т.е. единицу смысла) стали трактовать как предельно краткую (элементарную) мысль об объекте, более точно – как пропозицию. Пропозиция содержит имя объекта и его характеристику, например, «осел – животное». В соответствии с пропозициональной трактовкой Л. Витгенштейн определял смысл как «положение дел в мире». По существу, смысл – это ответ на любой вопрос, возникающий в жизни человека (М. Бахтин).

Из определения Л. Витгенштейна отнюдь не следует, что смыслы находятся в самом мире. Немецкий

философ подчеркивал, что «мир» и «смысл мира» – принципиально разные вещи. Смысл, с его точки зрения, это не сама реальность, а мыслимая реальность. В мире существуют лишь вещи, свойства и их отношения, а смысл возникает лишь в осмыслении мира человеком. Другими словами, смысл – это осмысленное, экспликат мысли (А. Шюц).

Свою роковую роль в аберрациях понимания смысла сыграло понятие значения (значимости) [1], часто отождествлявшееся со смыслом. Эту неопределенность постарался устранить Г. Фреге, указав на существование двух взаимосвязанных семантических характеристик: смысла и значения. Позже, в переводе статьи немецкого логика на русский язык, термин «значение» был заменен термином «денотат» (референт). Если смысл – это мысль, характеризующая объект с какой-либо стороны (*осел – животное*), то значение, по Фреге, – это сам объект, обозначаемый знаком (словом *осел*).

В отечественной психологии понятие личностного смысла зародилось в исследованиях Л. С. Выготского, изучавшего формирование речи ребенка. Анализируя возможности понимания слова, психолог сталкивает понятия «смысл» и «значение». «Значение» трактуется Выготским совсем не так, как определил этот термин Г. Фреге, это уже не денотат (т.е. объект, соответствующий имени), а смысловое образование, смысл, т.е. мысль, стоящая за словом. Вот ключевая фраза на сей счет: «Смысл слова представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании (здесь и далее курсив наш. – А. К.) благодаря слову. Смысл слова оказывается динамичным, текучим, сложным обра-

зованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. *Значение* – только одна из зон смысла, который приобретает слово в контексте речи, и притом наиболее *устойчивая, унифицированная и точная*. Как известно, слово в различном контексте легко изменяет свой смысл. *Значение, напротив, есть тот неизменный пункт, который остается устойчивым* при всех изменениях смысла слова в различном контексте... *Слово, взятое в отдельности в лексиконе, имеет только одно значение*. Но это значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла» [2]. По существу, в психологических дискуссиях возникло три близких понятия, недостаточно различаемых: это смысл, значение, личностный смысл.

«Значение», с точки зрения Выготского, есть общезначимый смысл в понимании слова, та инвариантная часть смысла, которая входит в лексикон нации (тогда как, собственно говоря, «смысл» связывается с индивидуальной трактовкой слова коммуникантом) и которая, помимо значения, включает дополнительные вариативные коннотации смысла. К сожалению, Выготский не был знаком с семным анализом в лингвистике, в рамках которого смысл слова (концепта) изначально рассматривается как системное образование, состоящее из отдельных сем (компонент смысла), которые говорящий актуализирует в речевой практике.

В дальнейшем дискуссия о смысле и значении сдвинулась в сферу анализа деятельностного отношения личности к жизненным проблемам, т.е. ее мотивов, целей, действий. Новую парадигму в трактовке смысла определили работы другого выдающегося отечественного психолога А. Н. Леонтьева, который связал смысл с личностным отношением субъекта к происходящим событиям, к возникающим перед ним жизненным задачам. Вот его ключевая фраза по этому вопросу: «Сознание строится, формируется в результате решения двух задач: 1. Задачи познания реальности (что сие есть?); 2. Задачи на смысл, на открытие смысла (что сие есть для меня?). Последняя, то есть “задача на смысл”, – есть труднейшая задача. В своем общем виде – это “задача на жизнь”» [2].

На первый взгляд, идея А. Н. Леонтьева близка к трактовке Л. С. Выготского, но намечаются и принципиальные различия. Л. С. Выготский не противопоставляет познавательные смыслы (а это могут быть как научные, так и языковые смыслы) деятельностным: для него всё это – смыслы, несущие как общезначимые компоненты (значения), так и личностные (личностные смыслы). У А. Н. Леонтьева все познавательные отношения, возникающие как в сфере профессиональной деятельности (т.е. в науке), так и

в повседневной жизни, выносятся уже за пределы применимости термина «смысл». В познании мы имеем дело со знаниями, объективными (нейтральными) идеями, а смысл включает заинтересованность субъекта, т.е. носит субъективный характер. Данный термин, с точки зрения А. Н. Леонтьева, применим только к деятельностным отношениям субъекта, к его решению жизненной проблемы: «Что сие значит для меня?». Философ, конечно, сразу увидит, что психолог предлагает применять термин «смысл» только к ценностным отношениям (к личностным ценностям), но не к объективированному пониманию явлений. Здесь уже коренилась серьезная методологическая ошибка, ибо ценности, конечно, не исключают смысл (осмысленная ценность и есть смысл), но они и не исчерпывают всей области смыслов [1].

В дальнейшем дивергенция концепций двух наших авторитетных психологов только усиливалась. Постепенно стала доминировать концепция А. Н. Леонтьева, которая одновременно сильно упрощалась. Личностный смысл все больше сдвигался в область индивидуальных значимостей ценностного порядка (что сие значит для меня?), вариативного, субъективного, аффективно-эмоционального, а за термином «значение», наоборот, закреплялось все общезначимое знание, объективированное, общепотребительное, осмысленное, отрефлексивированное. Личностный смысл стал все чаще отождествляться со всеми искажениями и деформациями объективного положения дел, что отчетливо проявляется в известной монографии Д. А. Леонтьева [3]. Возникло даже «антиинтеллектуалистское» движение в отечественной психологии против «идеаторной» концепции смысла, выдаваемое за отечественную инновацию. На пути этого движения вся наука, язык, любая отрефлектированная деятельность (технологии, технические изобретения и т.п.) лишались статуса наличия в них смысла (т.е., по существу, признавались бессмысленными), для них был уготован статус «значений», тогда как концепт «личностного смысла» все больше сдвигался в область неосознаваемого человеком.

Читая психологическую литературу, невольно ловишь себя на мысли, что за основу определения личностного смысла многие авторы берут его неадекватность объективному положению дел. Но тогда нужно признать, что личностный смысл – это вовсе и не смысл, а его патология. Странно только, как такой «смысл» может лежать в основе человеческой деятельности, направлять и регулировать ее? Причиной такого парадоксального вывода является тот факт, что в ходе затянувшейся дискуссии был утерян основной, родовой признак любого смысла, присущий любому его конкретному применению: в науке, искусстве, в речи, в экономической, технической, поли-

тической деятельности. Этим признаком является его органическая, неразрывная связь (совместность) с мыслью.

Смысл есть там, где существует *правильная* мысль о чем угодно: о вещи, событии, явлении, другом человеке и т.д. И, наоборот, там, где отсутствует мысль, нет никакого смысла, а есть лишь аффекты, неосмысленные эмоции, немота понимания, абсурдные поступки, аутизм, разлад с миром. Смысл всегда есть нечто *осмысленное*. Смысл – это содержание мысли, минимально неделимой единицей которой является пропозиция: логический «скелет» смысла, его парадигмальная схема. Логикам эта родовая единица смысла давно известна: она выражается аристотелевской формулой «S есть P». Когда мы говорим о родовой (т.е. всеобщей) характеристике смысла, то мы абстрагируемся от истинности или ложности выражаемой мысли, тематической ее отнесенности, степени глубинности или наивности, принадлежит ли она научному дискурсу или сфере повседневного общения. И, наконец, смысл остается смыслом независимо от того, выражает ли он некоторую оценку чего-либо (значимость вещи для субъекта) или претендует на объективность и нейтральность в описании какого-либо явления (т.е. в ответе на вопрос «что сие есть?»).

К чему не безразличен смысл, так это к способу его построения и выражения. Смысл всегда является результатом напряженной работы нашего сознания, направленного как на осмысление действительности, так и на рефлексию наших желаний, проектов, планов. Смысл в своем содержании может быть направлен как на внешний мир, так и на внутренние (собственные) переживания субъекта. Для существования смысла принципиально важна операция осмысления, его совместности с мыслью. Хотя на первый взгляд кажется, что наше понятие родового смысла весьма абстрактно, на самом деле за пропозициональным определением смысла стоят сложные системные законы его построения, раскрываемые теоретической лингвистикой. К ним относятся, прежде всего, три уровня управления процессом порождения *правильной* мысли: семантическая согласованность лексем (имен и предикатов), синтаксическое управление в развертывании мысли и лексическая сочетаемость слов [3].

Указанная отечественная дискуссия о смысле выводит нас на еще одну принципиально важную, и с терминологической и с сущностной сторон, проблему различения понятий «просто» смысла и *личностного* смысла. Когда мы говорили о родовых признаках смысла, мы отвлекались от демиурга (субъекта) этого смысла. Однако любой смысл имеет своего автора, является продуктом мыслительной деятельности человека. Но существует множество смыслов, авторов

которых мы не знаем, они анонимны. Такие смыслы встречаются как на повседневном, так и научном уровне коммуникации. Они становятся знанием, известным всем. В него входят пословицы и поговорки, общие географические сведения, моральные и правовые нормы, элементарные смыслы экономических актов и многое другое. Самым богатым хранителем общественно значимых смыслов является язык, его словарный тезаурус.

Общественно значимые смыслы интересубъективны, т.е. имеют примерно одинаковую значимость для всех индивидов и наиндивидуальны. Они составляют важнейшую предпосылку социализации человека. В отечественной философии эти смыслы, в соответствии с марксистской традицией, относили к общественному сознанию. Общественные смыслы существуют в форме общедоступного знания, транслируются в устной традиции в процессах межличностной коммуникации, а также хранятся в текстовой информации (в учебниках, инструкциях, историях, сводах моральных и правовых правил и т.п.). Они воспроизводятся в индивидуальном сознании в процессах социализации личности, важнейшими из которых являются воспитание, образование, межличностная коммуникация.

Личностный смысл, напротив, неотторжимыми духовными узлами привязан к своему творцу, субъекту этого смысла. Он индивидуален, персонифицирован в своем авторе, выражает его практические и интеллектуальные устремления, взгляды на мир, собственную позицию в жизненном мире. По мнению авторов «Краткого психологического словаря», личностный смысл – это «индивидуализированное *отражение* действительного отношения *личности* к тем объектам, ради которых развертывается ее *деятельность*, осознаваемое как «значение-для-меня» усваиваемых *субъектом* безличных знаний о мире, включающих *понятия, умения, действия и поступки*, совершаемые людьми, социальные *нормы, роли, ценности и идеалы* (курсив наш. – А. К.)» [4, с. 111].

С нашей точки зрения, термин «личностный смысл» обретает свою эвристичность только в его противопоставлении общезначимым (общественным) смыслам, существующим в концептосфере общества. Однако в исследовании такого сложного духовного феномена, каким является человеческий смысл, важно не только различать общественные и личностные смыслы, но еще важнее выявить внутренние органические связи между ними, ибо ни то ни другое (как мы покажем далее) не существуют друг без друга

Личностный смысл можно назвать (пользуясь терминологией А. Шюца) биографически детерминированным. В нем отражается жизненный опыт личности, ее предпочтения и ценностные ориентации, а также совокупность приобретенных и освоенных

ею из общественного сознания знаний. Именно поэтому личностные смыслы существенно варьируются от одной личности к другой, именно поэтому они различаются глубиной и горизонтом охвата действительности, даже если касаются одного и того же предмета.

Личностные смыслы являются реакцией личности на события, если их трактовать, по Хайдеггеру, как встречу человека с миром. Личностная сопричастность человека событию, его совместность с бытием и выражается в личностном смысле, в осознанной реакции человека на со-бытие. Личностный смысл возникает у личности в ее соучастном с бытием осмыслении событий, свершающихся «здесь, сейчас и так вот».

Личностный смысл всегда предпосылочен, он не возникает на пустом месте, из ничего. К предпосылкам личностного смысла можно отнести две затравочные составляющие: первая – это апрендированные (т.е. усвоенные) из налично существующего общественного сознания (концептосферы общества) знания и ценности; вторая – это биографически детерминированный опыт пережитого, т.е. опыт, приобретенный и осмысленный личностью в своей индивидуальной жизни. Таким образом, личностные смыслы не отделимы от общественных смыслов. Последние всегда включаются в сознание действующего человека; безусловно, частично, безусловно, с разной степенью глубины у каждой личности. Но они всегда являются необходимой предпосылкой конституирования любого личностного смысла.

Личностный смысл, конечно, не тождествен общественному и не сводится лишь к редуцированной (освоенной) части общественного сознания. В процессе освоения общественно-значимых смыслов каждой личности присущи свои горизонты и глубина понимания. Становясь «своими», общественно значимые смыслы неизбежно приобретают субъективную окраску. Эта субъективность в присвоении смыслов хорошо прослеживается в учебных процессах, когда каждый ученик демонстрирует разную глубину и степень освоения изучаемого предмета.

Помимо апрендированных из общественной сферы предпосылок на конституирование личностного смысла накладывается *пережитое*, т.е. биографически выстраданная система взглядов и ценностей. Личностный смысл конкретен в том плане, что он всегда привязан к конкретной ситуации, к событию, значимому для человека, предстоящему перед ним в качестве жизненной проблемы. Никакие общественно значимые смыслы не могут содержать готовых ответов на смысложизненные вопросы, встающие перед личностью в конкретной ситуации «здесь и сейчас». В конституировании личностного смысла всегда возникает его *приращение* по отношению к

общественно значимым инвариантным заготовкам. Как инвариантный и общезначимый смысл отдельного слова (например, война), сформулированный в лингвистическом словаре, не предопределяет тех высказываний, которые могут сформулировать о войне отдельные индивиды, так и в целом любые общественно значимые смыслы не обуславливают конкретики личностных смыслов. Общественные смыслы являются всего лишь предпосылочным конструктивным основанием для конституирования личностного смысла.

С другой стороны, все общественно значимые смыслы возникли из смыслов, конституированных индивидами, ибо не существует некоей «общественной головы», в которой мог бы зародиться общественно значимый смысл. Общественные смыслы образуются в социальной динамике (еще плохо изученной) взаимодействия личностей и поколений. В этой динамике интегрируются и выпадают «в сухой остаток» в концептосферу общества личностные смыслы, конституированные учеными, практиками, инженерами, юристами, идеологами, политиками, писателями, рядовыми представителями отдельных сословий и профессий. Они накапливаются в общественной памяти, запечатлеваются в языке, хранятся в текстах, артефактах, общественном мнении и транслируются от поколения к поколению. Общественный человек ассимилирует эти смыслы, начиная с рождения, социализуясь и становясь культурной личностью.

Не все, конечно, личностные смыслы запечатлеваются в концептосфере общества и становятся общественно значимыми. При вхождении в общественное сознание личностные смыслы фильтруются, корректируются, сопрягаются друг с другом. При вхождении в концептосферу общества выбраковываются именно пристрастные, деформированные, не адекватные, не способные стать универсальными смыслы. Не каждый личностный смысл откладывается в копилку общественного сознания, лишь новационные смыслы, выдержавшие проверку временем, пополняют концептосферу общества. В процессе интеграции в рамках общественного сознания личностные смыслы отрываются от «генетической пуповины» своего прародителя, от контекстуальной конкретики своего происхождения в ситуации «здесь и сейчас» и даже часто теряют родословную связь со своим автором, становятся анонимными. Они приобретают инвариантную, общезначимую идеальную сущность (например, $2 \times 2 = 4$; Волга – самая большая река в Европе; цена товара не может быть ниже его себестоимости; человек свободен от рождения и т.д.), хранящуюся в общественном сознании.

Культура является системой общезначимых смыслов. Каждый из нас является одновременно творцом и наследником культуры. Как наследники мы, стано-

вьясь личностями, действующими и поступающими в обществе, непрерывно ассимилируем общественно-значимые смыслы, в которых запечатлен дух эпохи. С другой стороны, каждый из нас способен стать творцом культуры, обогащая ее новыми смыслами, какой бы сферы общественной жизни они не касались: науки, практики, политики, искусства и т.д.

Проблема порождения «личностного смысла» имеет давнюю философскую историю. Наиболее весомый вклад в философскую дискуссию о происхождении таких смыслов внес Э. Гуссерль в своей трансцендентальной феноменологии. По мнению немецкого философа, все смыслы субъекта порождаются его переживаниями, существующими в «потоке переживаний». Под «переживаниями» он понимал акты активности человеческого сознания. На пути перехода от смутных, неотчетливых, предфеноменологических переживаний через операции (акты) акцентации внимания на каком-либо из них, отличия его от других, выделения из «потока», предикации, рефлексии и возникает феномен смысла. Сильной стороной концепции Э. Гуссерля является акцентация порождающей роли субъекта в образовании смысла, однако ее недостатком является полное игнорирование социальных детерминант смысла.

Мы ограничим свое понимание проблемы рассмотрением личностных смыслов, возникающих в повседневной деятельности, т.е. мы выводим за пределы нашего анализа все так называемые научные смыслы. Наша задача сводится к тому, чтобы показать (насколько это возможно в рамках статьи), как человек в повседневном мире формирует свои личностные смыслы.

Подлинная тайна взаимосвязи общественных и личностных смыслов коренится в социальной динамике социальных обменов, которая не только объясняет происхождение и того и другого, но и сама (эта взаимосвязь), с одной стороны, становится причиной формирования социально устойчивых связей в обществе (т.е. социетального порядка), а с другой – создает условия для социализации самого человека.

Эта социальная динамика была хорошо раскрыта представителями социальной феноменологии (учениками А. Шюца) П. Бергером и Т. Лукманом [6]. С их точки зрения, формирование социальных смыслов происходит в социальной деятельности, в которой индивид всегда соотносит свои действия с другим индивидом. Собственно говоря, М. Вебер и определяет социальное действие как действие, осуществляемое со смыслом и направленное на других людей.

Социальные феноменологи в соотнесенности действий особенно выделяют прецедентную ситуацию «лицом-к-лицу»: когда Другой не только актуализирует свое внимание на моих действиях, обращенных к нему, но и отвечает на них. С другой стороны,

Я в своих действиях исхожу из того, что мои действия будут замечены Другим и адекватно (моим смыслом) будут истолкованы им. По существу взаимодействие «лицом-к-лицу» предполагает взаимозаменяемость перспектив взаимных действий индивидов, когда Я в своих ожиданиях ответных действий Другого могу встать на его позицию, а он, в свою очередь, отвечая мне своими действиями, принимает мою позицию. В этих условиях у действующих субъектов формируются общая перспектива в понимании ситуации, отбора релевантных факторов в ее оценке и общность понимания смыслов взаимных действий.

По мнению социальных феноменологов, взаимозаменяемость перспектив в осмыслении общей ситуации взаимодействия индивидов – это исходный и общий путь к формированию типических действий и соответствующих им типических смыслов, которые, в конце концов, приобретают интерсубъективный характер. Типические действия – это опривыченные, устоявшиеся и повторяющиеся в своей массе действия в общем жизненном мире действующих субъектов. Большинство опривыченных действий носят рецептурный характер и одинаково понимаются (т.е. имеют один и тот же смысл) индивидами.

П. Бергер и Т. Лукман вскрывают дальнейшие социальные трансформации, происходящие с типическими действиями и соответствующими смыслами. Типические действия институционализируются, т.е. приобретают характер социальной нормы, а отклонения от нее осуждаются общественным мнением. Затем они рано или поздно легитимируются, т.е. получают некое обоснование и оправдание либо на дотеоретическом уровне простого общественного мнения (по принципу «так поступают все»), либо в теоретических концепциях (религиозных, идеологических, юридических, философских и т.п.). По мере типизации и институционализации все смыслы о мире, обществе, алгоритмах действий, жизненных ценностях анонимизируются (т.е. теряют связь с биографической историей их авторов), объективируются и «выпадают в осадок» («седиментируются» по терминологии социальных феноменологов) в «надличностном запасе» знаний.

Надличностный запас знаний содержит все интерсубъективные общественно значимые смыслы, которые для обитателей жизненного мира приобретают характер несомненной объективной реальности.

С точки зрения социальных феноменологов общественные (интерсубъективные) смыслы интегрируются в «символическом универсуме». Понятие «символического универсума», вводимое социальными феноменологами, позволяет включить в него не только общезначимый национальный язык, но и весь контекст интерсубъективных значений человеческого опыта, типичных действий, укорененных практик.

По существу, социальной основой, генерирующей взаимосвязь личностного начала и социентального порядка, являются непрерывные *обмены*, скрепляющие общество. Обмены, возникающие в обществе, охватывают все обмены действиями, поступками, товарами, услугами, высказываниями и т.п., но всегда и непременно они сопровождаются обменов смыслами.

Категория обмена как характеристика общественных отношений появляется уже в историко-экономических рукописях Маркса, но потом, в его «Капитале», она приобретает конкретное экономическое содержание. Важнейшую роль обменов в истории общества раскрывает Ф. Бродель. Близко к понятию обменов находится концепция «интеракций» в американском символическом интеракционизме, с которым все больше сближаются социальные феноменологи.

В языке реальность обменов отражается в парных лексемах: купил – продал, подарил – принял дар, пригласил – нанес визит, спросил – ответил и т.д. Каждая интеракция сопровождается личностными смыслами акторов (мотивами, целями, планами, ожиданиями) и, вместе с тем, совершается в соответствии с легитимными социальными нормами и ценностями, хранящимися в символическом универсуме.

Обмены не только связывают социальной связью индивидов, они, собственно говоря, порождают интересубъективный мир смыслов, норм, ценностей. Вместе с тем сам институциональный порядок, как отмечают социальные феноменологи, существует лишь до тех пор, пока его поддерживают в своих интеракциях индивиды.

П. Бергер и Т. Лукман показали, как из личностных смыслов в системе интеракций формируется мир надличностных интересубъективных смыслов, но у них в тени остался вопрос о формировании самих личностных смыслов. Хотя все смыслы рождаются в голове индивидов, они не могут возникнуть у несоциализированного человека, живущего вне социума. Первые смыслы у ребенка возникают на этапе первичной социализации, когда он осваивает язык, активно общается с близким кругом родственников, обменивается с ними простыми повседневными действиями. На этапе вторичной социализации индивид покидает близкий круг и входит в общение с «обобщенным Другим». Перед ним открывается дальний и все расширяющийся круг смыслов социального мира. Через различные обмены с другими индивидами, а также через коммуникацию, воспитание, образование, расширяющуюся практическую деятельность индивид осваивает надличностное пространство смыслов – символический универсум.

Социализирующийся человек в своих действиях постоянно интериоризирует (переводит в план своего сознания) внешний предзаданный ему социальный мир, в котором любое событие, любое действие, любая вещь наполнены институциональными интересубъективными смыслами. В процессе своей деятельности индивид экстериоризирует свою символическую сущность (смыслы своего сознания) в действиях и по существу соучаствует вместе с другими в конструировании социального мира. Социентальный порядок, основанный на институциональных действиях, непрерывно возрождается в диалектике интериоризаций и экстериоризаций индивидов.

Невольно возникает вопрос, что в этой диалектике первично: личностное начало или объективированная социальная реальность в виде символического универсума? По мнению социальных феноменологов, в обществе первичны действия индивидов, из которых рождаются институты, типичные действия и символический мир интересубъективных смыслов. С нашей точки зрения, решить поставленный вопрос в духе первичности и вторичности указанных феноменов просто невозможно, как невозможно ответить на вопрос: «что первично – курица или яйцо?».

Дело в том, что общество представляет собой «органическую систему», в которой, говоря языком диалектики, части определяют целое, а целое определяется частями. Здесь нет первичного и вторичного, а есть процесс непрерывного становления социума, предполагающего, с одной стороны, включение индивида в общество (его социализацию), а с другой – постоянную поддержку индивидами социентального порядка в своих типичных действиях.

Личностные смыслы не могут возникнуть вне зависимости от общезначимого языка, надличностного запаса знаний, усвоенных субъектом в процессе своей социализации, вне приобщения к символическому универсуму общества. С другой стороны, как показали социальные феноменологи, все надличностные структуры общества, все общественные смыслы символического универсума возникают в творчестве индивидов, поддерживающих и воспроизводящих в своих действиях общий социентальный порядок.

Личностный смысл есть, по существу, общественный (интересубъективный) смысл, но «присвоенный» (осознанный) индивидом в его конкретных действиях в конкретной ситуации «здесь» и «сейчас», реализованный в его мотивах, целях, планах.

Шюц показал важную роль индивидуальной биографии индивида в конституировании субъективных смыслов. В рамках этой исторической биографии формируется свой *личностный* символический универсум (личностный запас смыслов), содержание которого обусловлено личным жизненным опытом индивида, его образованием, встречами со значимы-

ми Другими, наконец, той сферой социальных взаимодействий, в которых он в течение своей жизни принимал участие. Этот личностный запас смыслов является предпосылкой понимания и интерпретации общезначимых надличностных смыслов.

Надличностные смыслы не падают на голову индивида, как дождь с неба, они постоянно переосмысливаются субъектами в ситуации конкретного действия и в соответствии с накопленным жизненным опытом. Личностные смыслы всегда являются продуктом осмысления, интерпретации, конкретизации (привязки к конкретной ситуации действия) объективированных в символическом универсуме надличностных смыслов. Они допускают, естественно, и *вариацию* объективных, социально предзаданных смыслов, но эта вариация всегда находится в пределах среднетипического. В свою очередь сами легитимированные институты со своей совокупностью значений постоянно воспроизводятся в совместных типических действиях индивидов. Как только индивиды перестают в своей массовой деятельности поддерживать

институциональный порядок, начинается кризис легитимации до установления новой системы легитимации в символическом универсуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравец А. С.* Смыслы и ценности / А. С. Кравец // Вестник МГУ. Серия: Философия. – 2007. – № 6. – С. 3–27.
2. *Выготский Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М., 1996. – 347 с.
3. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла : природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1999.
4. *Кравец А. С.* Три парадигмы смысла / А. С. Кравец // Вестник МГУ. Серия: Философия. – 2004. – № 6. – С. 75–92.
5. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М. : Политиздат, 1985. – 431 с.
6. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Academia -Центр : МЕДИУМ, 1995.

Воронежский государственный университет

*Кравец А. С., доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой онтологии и теории познания*

E-mail: kravets2011@mail.ru

Тел.: 8(473)277-31-07

Voronezh State University

*Kravetz A. S., Doctor of Philosophy, Professor, Head
of the Ontology and Theory of Knowledge Department*

E-mail: kravets2011@mail.ru

Tel.: 8(473)277-31-07